

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ДЛЯ ОХРАНЫ ССЫЛЬНЫХ В МОНАСТЫРЯХ в XVIII — XIX веках

А. Р. Павлушков (г. Вологда)

Вопрос о применении армии для охраны ссыльных в монастырях представляет интерес, поскольку он позволяет выделить новые стороны истории русского войска, связанные с карательной политикой русского государства, и глубже понять механизм исполнения приговора о ссылке в монастырь. Использование государством монастырей и армии в несвойственной им роли отвечало духу деспотической имперской власти. На практике это вылилось в то, что

монастыри оказались интегрированы в общую систему наказания России¹, а армия стала широко привлекаться к решению внутренних задач государства, в том числе для охраны лиц, помещенных в монастыри за преступления и правонарушения.

Применение армии для охраны исправительных учреждений шло параллельно с процессом складывания монастырской ссылки в силу того, что осужденным по царским указам в монастыри требовалась специальная охрана во избежание побегов. Особенно это касалось тех, кто совершил государственные преступления: заговор, сектантство, выступление против веры. При отсутствии естественно сложившихся силовых институтов государство было поставлено перед необходимостью использовать ресурсы армии для охраны преступников, о чем свидетельствуют многочисленные документы. В 1689 г. по царскому указу за соучастие в бунте был направлен в вологодский Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере диакон Яков под охраной нескольких солдат². Аналогичных примеров сопровождения монастырских ссыльных можно привести много³, хотя в большинстве случаев в приговорах о ссылке прямое указание на использование армии отсутствует⁴. Обычно формулировки указов ограничивались общими рекомендациями: “обязательное сопровождение воинской командой”⁵, “содержать под стражей”⁶, “находиться под стражей в кандалах”⁷, “сослать под караулом для исправления”⁸.

Наиболее широко армия использовалась для охраны тех монастырей, которые играли роль политических тюрем и требовали особого режима изоляции. В архиве Соловецкого монастыря, опубликованном Российской археографической комиссией, имеется несколько документов, подтверждающих факт использования армии для охраны монастырских узников еще в конце XVII в⁹. Из архивных документов видно, что характер содержания караула определялся царскими указами. В состав его входили солдаты, драгуны и стрельцы¹⁰. Число военных в Соловецком монастыре было достаточно велико, так как часть стрельцов периодически направлялась для охраны соседних острогов. В 1764 г. воинская команда Соловецкого монастыря увеличилась до 125 стрельцов¹¹. Согласно указу Сената “О содержании воинской команды в Соловецком монастыре”, опубликованном в 1789 г., каждому стрельцу за счет монастыря производилось годовое жалование в размере “3 руб. и 4,5 четвертей хлеба ржи”¹². Деньги на содержание солдат отпускались из государственной казны, а непосредственная выдача их про-

изводилась казначеем или настоятелем монастыря. Сумма была фиксированной и порой не учитывала динамику роста цен. Это приводило к тому, что общие затраты монастыря на содержание солдат превышали установленные нормативы, но их разница государством не погашалась. В 1784 г. из-за подорожания хлеба смета продовольственных расходов на содержание военной команды в Соловецком монастыре составила 350 руб. 50, 5 коп., которые монастырю так и не были возвращены.¹³ Во избежание возможного конфликта с монастырскими властями 10 ноября 1791 г. выходит именной указ, согласно которому общая сумма на содержание воинской команды была увеличена до 777 руб. 40 1/8 коп., из них: на жалование солдатам — 391 руб. 88,5 коп., ремонт оружия — 42 руб., обмундирование — 210 руб. 79,5 коп., провиант — 132 руб. 72,5 коп.¹⁴ Отдельно предусматривалась статья расходов и на солдатских детей. Согласно этим указам, солдатские дети определялись на места выбывших солдат в случае их смерти или болезни. Тем самым осуществлялся замкнутый цикл воспроизводства охраны в Соловецком монастыре.

Воинские команды имелись и в других северных обителях: в Кирилло-Белозерском¹⁵, в Спасо-Каменном¹⁶, в Павло-Обнорском монастырях¹⁷, но их общее количество было значительно меньше по сравнению с Соловецким монастырем. Многие северные монастыри, куда ссылали правонарушителей, вообще не имели воинской охраны или она ограничивалась одним солдатом¹⁸. Например, в 1770 г. в большинстве монастырей Велико-Устюжской епархии охрану осуществляли только штатные сторожа (по два в каждой обители), которые были обязаны присматривать за проходящими в монастырь людьми¹⁹. Сторожа были включены в штатное расписание монастырей, получали жалование и несли ответственность за соблюдение порядка, о чем говорится в отдельных указах по Вологодской консистории²⁰. Отсутствие необходимой охраны вело к хищениям церковной утвари, так как монастыри располагали большими материальными и духовными ценностями. Поэтому Синод через посредство местной полиции и Министерство внутренних дел для охраны крупных обителей формировал небольшие охранные команды. В 1874 г. по указу Святейшего Синода для охраны Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря были назначены два караульных солдата²¹. А именной указ от 11 марта 1886 г. уже четко расписывал мероприятия духовных властей по организации охраны монастырей и церквей в целом²².

С конца XVII в. предусматривается ответственность охраны в случае бегства колодников. 15 октября 1692 г. выходит указ “О порядке препровождения колодников и наказания проводников, если умышленно дадут случай к побегу”²³. Этим документом предусматривалась ответственность воевод и караульных за бегство ссыльных, но сама форма наказания не обозначалась. Здесь же давались общие рекомендации охране с целью предотвращения побегов: пересылку колодников осуществлять только в “кандалах и железе”, по доставке ссыльного в монастырь брать с властей расписку о получении колодника и оков. Вологда была обозначена как регион для ссылки.

С начала XVIII в. армия стала шире привлекаться к охране монастырей. Это было вызвано изменением государственной политики по отношению к церкви. Церковь лишилась значительной части земельного фонда, ей вменялись новые государственные функции, началось изъятие несудебных грамот монастырей. Согласно определению Сената в 1721 г. из Вологодской провинциальной канцелярии был послан Г. Б. Засецкий для осмотра 24 обитателей Вологодской епархии с тем, чтобы забрать жалованные грамоты, исторические рукописные книги, интересные письма для отсылки их в Сенат. Монастырям были вменены новые обязанности по содержанию умалишенных, немощных людей, отставных солдат. Направление последних в монастырь позволило улучшить охрану обитателей. Многие из солдат по причине ранений не способны были принимать участие в боевых действиях, но вполне годились для формирования караульных команд при охране монастырей. 3 мая 1720 г. публикуется царский указ “О присылке неспособных офицеров, урядников и рядовых, за неимением пропитания, в монастыри и богадельни, куда пожелают”²⁴, а новым именованным указом от 31 января 1724 года предписывалось определять в монастыри отставных солдат вообще²⁵. Правда, сенатским распоряжением от 7 марта 1729 г. делалась оговорка, что солдаты, не желающие быть в монастырях, после утверждения списков в Сенате могут получить паспорта на свободное передвижение²⁶. Однако в действительности это право военных не получило массовой реализации в силу того, что в монастырях солдаты могли находиться на полном обеспечении. В 1729 г. Верховный Тайный Совет обязал духовные власти постригать отставных солдат в монахи по их просьбе²⁷. Тем самым государственная власть пыталась решить социальные проблемы по благоустройству отставных военных, используя резервы монастырей.

В 1755 г. ранее изданные указы о присылке военнотружущих в монастыри были подтверждены вновь²⁸. Более того, они были дополнены новыми распоряжениями относительно состава и содержания отставных военных в монастырях²⁹. Помимо вышеперечисленных категорий военнотружущих, с 1746 г. в обителях стали размещать драгун и матросов³⁰. Им устанавливалась норма питания, равнявшаяся суточной норме содержания монаха в конкретной обители³¹. Социальное положение и звания военных также учитывались. Уровень содержания офицеров был значительно выше. Средняя годовая норма для отставного рядового в монастыре в 1760 г. составляла 3 руб. 16 коп., для капитана — 26 руб.³² Годовые нормы содержания отставных военнотружущих периодически менялись из-за колебания цен. В основе их определения были утвержденные в 1722 г. общие нормы для военнотружущих, содержащихся в монастырях. Согласно им размер суточного содержания солдата равнялся аналогичной норме монаха, унтер-офицера — полторы нормы, а штаб- и обер-офицерам устанавливались специальные порции³³.

Таким образом, в первой половине XVIII в. число отставных военных в монастырях значительно увеличивается. Они привлекаются и к охране ссыльных. В некоторых случаях это оговаривалось специальными постановлениями высших инстанций. Например, по указу Синода от 18 ноября 1747 г. из военной коллегии был прикомандирован караул в составе гарнизонного капрала и полевого офицера и десяти солдат (всего 12 человек³⁴) для охраны при Синодальной Канцелярии колодников³⁵.

Отставные военные направлялись и для охраны ссыльных в женских монастырях. Указом Сената от 23 февраля 1738 г. "О розыске по монастырям раскольников и о содержании их в тех монастырях" велено было архиереям для содержания ссыльных раскольников построить отдельные кельи из доходов коллегии экономии и размещать их по отдельности, под караулом из числа отставных солдат³⁶. Содержание солдат в этом случае шло за счет монастыря. Необходимо обратить внимание на то, что девичьи монастыри были больше приспособлены для содержания ссыльных в силу того, что распоряжением Синода 1722 г. они объявлялись "быть всегда заключенными"³⁷. Посторонние не могли войти в эти монастыри. Для посещения кельи местными жителями окрестных сел с внешней стороны стены устраивался специальный закрытый проход.

В начале второй половины XVIII в. численность отставных солдат в монастырях продолжает увеличиваться. Только за один 1760 г.

в монастыри были распределены 1169 солдат и офицеров, из них в Вологодскую консисторию присланы 11 человек³⁸. В то же время динамика их размещения была неравномерной. Например, в Павло-Обнорском монастыре в 1722 г. был 1 военный, в 1723 г. — 12, в 1725 г. — 16, в 1726 г. — 1.³⁹ Это говорит об отсутствии единой системы распределения военнотружущих по монастырям. Направляя военных в монастыри, консистория руководствовалась собственными соображениями. Не желая обременять центральные монастыри содержанием солдат, консистория чаще всего направляла их на периферию. Основная нагрузка, таким образом, ложилась на более дальние монастыри. Это вело к созданию диспропорций по содержанию солдат среди монастырей и вызывало справедливые нарекания со стороны настоятелей.

В процессе размещения военных по монастырям было задействовано несколько инстанций. Общее число отставных солдат и офицеров на год определял Сенат по справке военной коллегии⁴⁰. После утверждения этого списка императором⁴¹ Сенат специальным распоряжением направлял отставных военнотружущих из военной коллегии в Синод⁴². Канцелярия Синодального экономического правления, выполняя приказ Сената, перераспределяла военных по епархиям и издавала соответствующее распоряжение⁴³. Непосредственно же назначала конкретный монастырь для содержания военных консистория, но в рамках своей епархии.

Прикрепление отставных военных к монастырям имело и обратную сторону. Массовая присылка солдат и офицеров послужила основой для справедливой критики государства со стороны Церкви. Уже в 1731 г. на Севере назревает общее недовольство духовенства, так как вологодские монастыри оказались переполненными солдатами без учета реальных возможностей для содержания⁴⁴. Начались массовые жалобы настоятелей в консисторию, в которых говорилось об ухудшении экономического состояния обитателей, вынужденных содержать большое количество военных. В ряде монастырей даже прекратилась выплата жалования монахам⁴⁵. С жалобами о задержке денежного довольствия монастырскими властями обращались в монастырский приказ и военнотружущие⁴⁶. В результате консистории пришлось перераспределять военных повторно с учетом реальных ресурсов каждой обители. После чего было предложено Синоду прекратить присылки военных за неимением средств для содержания.

Еще одним аргументом епархиальных властей по ограничению присылки отставных военных было то, что многие присланные солдаты ничего не умеют делать и “ремеслом для пропитания своего не владеют”⁴⁷. Доводы местных духовных властей во многом были обоснованно справедливыми, что накладывало отпечаток на формирование отношений между Церковью и государством в целом. Еще в 1708 г. архимандрит Соловецкого монастыря обратился с челобитной к царю, прося защиты от олонецкого коменданта Чоглокова, который прибыл в обитель с отрядом военных и “чинил там убийства и разорения”⁴⁸. Это заставляло духовенство настороженно относиться как к военным, так и петровским преобразованиям в целом. С другой стороны, государство также вынуждено было занять более гибкую позицию по отношению к церкви, чтобы избежать недовольства со стороны духовенства. Результатом этого явился пересмотр государственной политики размещения отставных военных в монастырях, так как прежняя схема отсылки себя исчерпала и была неэффективной. Были наложены ограничения на прикрепление военных к монастырям: военная коллегия направлять отставных военных в монастыри могла только по особым разрешениям Сената⁴⁹, запрещалось без особого разрешения Синода постригать в монахи солдат⁵⁰ и военных чиновников⁵¹. По указу Екатерины II караульная команда Соловецкого монастыря передавалась в военное ведомство, так как “данная функция принадлежит государству и не согласуется с духовным саном”⁵². В документе говорилось, что содержание военных за счет монастыря нецелесообразно. Военная команда Соловецкого монастыря с этого момента стала подчиняться коменданту, а не настоятелю.

Таким образом государство пыталось отрегулировать правовые основы направления отставных военных в монастыри и, в определенной степени, ограничить их общее поступление. Однако это не дало ожидаемых результатов. Более того, в некоторых обителях число солдат по сравнению с предыдущим периодом заметно увеличилось. Например, в вологодском Павло-Обнорском монастыре их количество увеличилось с 12 человек в 1722 г. до 21 человека в 1761 г.⁵³ Общее количество отставных военных, поступивших в Вологодскую консисторию в 1760 г. для распределения по монастырям составило 10 человек⁵⁴.

С утверждением штатов монастырей в 1766 г. отправка отставных военных в монастыри сократилась, но не исчезла совсем. Кара-

ульные команды для охраны ссыльных в монастырях по-прежнему формировались из военных. Кроме того, гарнизонные батальоны стали использоваться для соблюдения порядка в крупных монастырях, которые являлись местами паломничества и имели большие материальные ценности. Численность караула в этих случаях была значительно больше и доходила до 40 человек⁵⁵.

Необходимо заметить, что контроль над ссыльными в монастырях осуществляли не только караульные команды военных, но и другие инстанции: губернатор⁵⁶, духовные власти различных уровней, служители монастырей. Определенную помощь в организации контроля за режимом содержания ссыльных оказывали полицейские отряды. В XVIII в. полицейские конторы появились в губернских и 11 провинциальных городах, в том числе и в Вологде. Из-за плохих социально-бытовых условий некоторые полицейские отряды размещались при монастырях, получая от последних не только необходимые помещения, но и питание. Даже при Троице-Сергиевой лавре в Москве был создан съезжий двор для полицейских контор, куда поступали военные для назначения на новое место службы⁵⁷. Естественно, что, живя в монастырях, они оказывали посильную помощь в организации режима охраны обитателей.

Караульные военные команды при охране ссыльных использовались в двух случаях: при транспортировке ссыльного и при охране его по основному месту пребывания. Рассмотрим их некоторые особенности.

При конвоировании ссыльного воинская команда формировалась по месту судопроизводства силами местных военных гарнизонов или полицейских отрядов. Сылка в монастырь могла производиться поодиночке и группами. В любом случае она была менее массовой, чем сылка в Сибирь на поселение или на каторгу, поэтому конвой был малочисленный. Правонарушителей из числа духовенства чаще всего сопровождали духовные лица, например, причетники⁵⁸. Они могли передвигаться и самостоятельно, но в случае совершения уголовных преступлений их обязательно сопровождала военная охрана⁵⁹. Конвоирование больших партий всегда возглавлял офицер⁶⁰. Численность охраны при сопровождении ссыльных зависела от тяжести совершенного деяния. Например, в 1725 г. по указу Екатерины I был сослан в Карельский монастырь новгородский архиерей Феодосий "за разные законопротивные поступки"⁶¹. Его охраняла конвойная команда из одного офицера и нескольких солдат.

Перевод ссыльного в монастырь мог осуществляться в ножных колодках, наручниках⁶² и в свободном состоянии. Последнее положение относилось к представителям привилегированных сословий. Колодки предназначались для раскольников,⁶³ убийц,⁶⁴ богохульников,⁶⁵ умалишенных.⁶⁶ Это специально оговаривалось в приговорах или указах. Конвоем местные власти обязаны были предоставить ямские подводы, куда помещали и ссыльных.⁶⁷ За неимением подвод за установленную плату предоставлялся другой вид транспорта.⁶⁸ Законом оговаривались особые случаи использования транспорта для перевозки ссыльных в монастырь. Например, если ссыльный имел возможность ехать в экипаже на свои средства, то такое допускалось, но в сопровождении одного—двух жандармов или военных.⁶⁹

В XIX в. отправка ссыльных в монастыри приобретает все более строгую форму. Тщательно регламентируется поведение ссыльных и караульных во время пути, устанавливается транспортная отчетность. При конвоировании ссыльного в монастырь начальнику караула выдавалась сопроводительная грамота⁷⁰ или сопроводительное письмо⁷¹, где содержались данные о преступнике и давались инструкции по его содержанию в монастыре. Начальник охраны по доставке ссыльного передавал сопроводительное письмо настоятелю, а взамен получал квитанцию о времени прибытия ссыльного с распиской получателя. В 1852 г. путевая документация была унифицирована, и начальники конвоя на руки получали открытые листы (составлялись индивидуально на каждого ссыльного) и именные списки, в которых записывались все ссыльные.⁷² В период передвижения начальник конвоя документально фиксировал состояние ссыльного. Постановлением 1803 г. военная коллегия устанавливает строгую ответственность караула за невыполнение требований по охране ссыльных.⁷³ Новые указы предписывают караульным быть особо внимательным в ночное время,⁷⁴ запрещают передавать арестантам вещи и разговаривать со ссыльными. Передача самих ссыльных настоятелю монастыря осуществлялась непосредственно старшим конвоя.⁷⁵ Усиливается ответственность конвоя за побеги ссыльных,⁷⁶ уточняются правила временной задержки ссыльных в пути по причине их болезни⁷⁷ или карантина в местности передвижения.⁷⁸ Все это говорит о том, что светские власти пытаются отрегулировать процесс транспортировки ссыльных и параллельно повысить качество их охраны. Однако такая жест-

кая и тщательная регламентация порой мешала нормальной работе караула, так как каждый шаг необходимо было соизмерять с многочисленными инструкциями.

Подобным образом регулировались действия военных команд и на местах. Целая серия указов XIX в. расписывала правила несения постоянного караула.⁷⁹ В то же время государство пыталось усилить ответственность охраны не только административными методами, но и материальными стимулами. Например, устанавливалось ежегодное награждение инвалидов караульных команд годовым окладом за добросовестную службу, если не допускалось случаев побега ссыльных.⁸⁰ В XVIII — XIX вв. смена караульных военных команд происходила через несколько лет. Новая смена тщательно проверяла сохранность имущества и состояние ссыльных. Об этом делалась соответствующая запись в журнале: “Колодники содержатся против прежнего питания в самом бережном усмотрении, неисходно”⁸¹. Вместе с тем охрана ссыльных во многих монастырях была недостаточной, о чем говорят многочисленные факты бегства ссыльных из монастырей⁸² и выпущенные Синодом “реестры бежавших за разные годы из монастырей колодников”⁸³.

Таким образом, в XVIII — XIX вв. армия активно использовалась при охране ссыльных в монастырях. Применение армии в этих целях имело давнюю историческую традицию, но только с петровских времен процесс привлечения армии к организации караулов принимает массовый характер и заметно усиливается, что было вызвано растущими потребностями абсолютизма охватить все стороны общественной жизни и максимально эффективно использовать силовые институты в различных целях государства. Применение воинских команд для охраны монастырей претерпело длительную эволюцию: от создания хаотичных караульных команд из отставных солдат и офицеров до создания четкой системы комплектования и функционирования конвоя и постоянного караула. Спектр деятельности воинских команд не ограничивался только несением караула. Они помогали вести монастырское хозяйство, принимали участие в работе по благоустройству обители, в строительстве помещений.⁸⁴ Отношение церкви к этому процессу было противоречивым и порой вызывало справедливую критику светских властей со стороны духовенства, вследствие чего государство неоднократно вынуждено было менять политику использования военных для охраны монастырей. Вместе с тем наблюдается усиление государ-

ства в целом через создание новых ведомственных структур, подразделений. Монастыри и армия естественным образом были втянуты в этот процесс путем их интеграции в систему наказания России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Использование монастырей в качестве мест ссылки регулировалось как светским, так и церковным законодательством. Помимо отдельных указов императора, патриарха, Синода, в XIX в. издаются два определяющих документа: "Устав духовных консисторий" (1841 г.) и "Уложение о наказаниях" (1845 г.), которые создавали правовую основу для использования монастырей в качестве исправительных учреждений.

²ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 3. № 1352. С. 41.

³Там же. Т. 3. № 1362. С. 51; № 1395. С. 89.; Т. 7. № 4153. С. 16; № 4717. С. 472 — 474; № 5051. С. 773; Т. 8. № 5532. С. 264; Т. 10. № 7521. С. 426 — 428 и др.

⁴Там же. Т. 1. № 563. С. 948; Т. 7. № 5084. С. 788; Т. 9. № 6613. С. 390 — 394; № 6749. С. 530; Т. 11. № 8587. С. 630.; Т. 15. № 11482. С. 953 и др.

⁵Там же. Т. 17. № 12000. С. 615.

⁶Там же. Т. 19. № 13000. С. 119.

⁷ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 17. Л. 1—2.

⁸ГАВО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 123. Л. 174.

⁹Архив Соловецкого монастыря. № 2661, 2663, 2672, 2674 // ЧОИДР. 1887. Кн. 1. Разд. 5. С. 72 — 73.

¹⁰Там же. С. 72 — 73.

¹¹ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 23. № 16801. С. 65.

¹²Там же. С. 65—66.

¹³Там же. С. 66.

¹⁴Там же. № 16996. С. 270—273.

¹⁵Грамота патриарха московского Иоакима архимандриту Кирилло-Белозерского монастыря Иосифу о посылке в монастырь для содержания в тюрьме за раскол чернеца Нафанаила // Гераклитов А. А. Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря. Из архива Саратовской архивной комиссии. Саратов, 1914. С. 19—20.

¹⁶Донесение Святейшему правительствующему Синоду из Вологодской духовной консистории. 3 марта 1775 г. // Описание вологодского Спасо-Каменского Духова монастыря, составленное П. Савваитовым. СПб., 1860. С. 56—57.

¹⁷Воскресенский А. Свято-Троицкий Павло-Обнорский третьеклассный общежительный мужской монастырь Вологодской епархии. Исторический очерк. Вологда, 1914. С. 68—69.

¹⁸ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 853.

¹⁹Там же. Д. 2640. Л. 2.

²⁰Там же. Ф. 438. Оп. 1. Д. 340. Л. 4.

²¹Там же. Д. 2199. Л. 1—2.

²²Там же. Д. 340. Л. 11.

²³ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 3. № 1449.

²⁴Там же. Т. 6. № 3576. С. 186.

²⁵Там же. Т. 7. № 4450. С. 226.

²⁶Там же. Т. 8. № 5376. С. 130.

²⁷Там же. Т. 8. № 5435. С. 212.

²⁸Там же. Т. 14. № 10353. С. 307.

²⁹Там же. С. 307—308.

³⁰Там же. Т. 12. № 9287. С. 547.

³¹Там же. С. 547—548.

³²ГАВО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 33. Л. 20—20 об.

³³Воскресенский А. Свято-Троицкий Павло-Обнорский третьеклассный общежительный мужской монастырь Вологодской епархии. Исторический очерк. Вологда, 1914. С. 67.

³⁴До 1747 г. численность военных при Синодальной Канцелярии ежегодно менялась в зависимости от заявки. Например, в 1745 г. численность военных для охраны колодников в Синодальной Канцелярии составляла 12 человек, в 1746 г. — 6, в начале 1747 г. — 8. С 1747 г. был установлен постоянный состав из 12 военных.

³⁵ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 12. № 9452. С. 778.

³⁶Там же. Т. 10. № 7521. С. 426 — 428.

³⁷Там же. Т. 6. № 4112. С. 788.

³⁸ГАВО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 33. Л. 20.

³⁹Воскресенский А. Свято-Троицкий Павло-Обнорский третьеклассный общежительный мужской монастырь Вологодской епархии. Исторический очерк. Вологда, 1914. С. 68—69.

⁴⁰ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 10. № 7521. С. 425—427.

⁴¹Там же. Т. 14. № 10684. С. 715.

⁴²Там же. Т. 15. № 11525. С. 995.

⁴³Там же. Т. 14. № 10353. С. 307.

⁴⁴Воскресенский А. Свято-Троицкий Павло-Обнорский третьеклассный общежительный мужской монастырь Вологодской епархии. Исторический очерк. Вологда, 1914. С. 70.

⁴⁵Там же. С. 69.

⁴⁶Там же. С. 70—72.

⁴⁷ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 12. № 9287. С. 547.

⁴⁸Там же. Т. 4. № 2194. С. 408.

⁴⁹Там же. Т. 15. № 11572. С. 1042.

⁵⁰Там же. Т. 18. № 12960. С. 329.

⁵¹Там же. Т. 15. № 11525. С. 995.

⁵²Там же. Т. 21. № 15125. С. 69.

⁵³ГАВО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 38. Л. 40.

⁵⁴Там же. Л. 40—40 об.

⁵⁵ПСЗ - II. СПб., 1830. Т. 9. № 7149. С. 422.

- ⁵⁶Там же. Т. 12. № 10303. С. 421—422.
- ⁵⁷Голубев А. А. Сыскной приказ. Общественный быт и судопроизводство: по документам Московского архива Министерства юстиции. М., 1884. С. 109.
- ⁵⁸ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 488. Л. 1 об.; ГАВО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 189. Л. 61.
- ⁵⁹ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 10. № 7521. С. 426—428.
- ⁶⁰Там же. Т. 25. № 18647. С. 363.
- ⁶¹Там же. Т. 7. № 4717. С. 472—474.
- ⁶²ПСЗ - II. СПб., 1830. Т. № 5202. С. 115—117.
- ⁶³ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 747; ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 31. № 24216. С. 172.
- ⁶⁴ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 19. № 13000. С. 119.
- ⁶⁵ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 493. Л. 6.
- ⁶⁶ПСЗРИ. СПб. 1830. Т. 11. № 8587. С. 630—631.
- ⁶⁷Там же. Т. 7. № 4153. С. 18.
- ⁶⁸Там же. Т. 8. № 8643.
- ⁶⁹ПСЗ - II. СПб., 1830. Т. 21. № 20762. С. 728.
- ⁷⁰Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. М., 1905. С. 63—65.
- ⁷¹ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 44. Л. 343—347.
- ⁷²ПСЗ - II. СПб., 1830. Т. 27. № 26662. С. 601—603.
- ⁷³ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 28. № 21165. С. 140.
- ⁷⁴Там же. Т. 30. № 23175. С. 53.
- ⁷⁵Там же. Т. 37. № 28133. С. 43.
- ⁷⁶ПСЗ - II. СПб., 1830. Т. 4. № 3155. С. 648; Т. 13. № 10981. С. 120.
- ⁷⁷Там же. Т. 5. № 3756. С. 679.
- ⁷⁸Там же. Т. 7. № 5690. С. 767.
- ⁷⁹Там же. Т. 8. № 6601. С. 713; Т. 13. № 10981. С. 120; Т. 26. № 25725. С. 98.
- ⁸⁰Там же. Т. 7. № 5722. С. 817. Т. 39. № 34679.
- ⁸¹ГАНО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 1563. Л. 1.
- ⁸²ГАВО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 70. Л. 30; Д. 29. Л. 49—50; ГАНО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 1338. Л. 1.
- ⁸³ГАВО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 32. Л. 5—5 об.
- ⁸⁴Из рукописей Е. Б. Барсова. О ссыльных в Кириллов монастырь. Грамота царя Алексея Михайловича о ссыльных старцах, говоривших о царе и боярах “непристойные речи” // ЧОИДР. 1885. Кн. 4. Разд. 5. С. 1—2.